

Игорь Шестков "Перед грозой"

Кто-то робко постучал в дверь.

«Войдите!» – строго сказала моя мама. Постучавший, видимо, растерялся. За дверью послышалось сопение. Кто-то там томился, тянул время, делая вид, что хочет позволить обитателям комнаты привести себя в порядок, подготовиться к вторжению чужака.

«Войдите!» – настойчиво повторила мать.

В комнату нерешительно вошел мой дружок Мамикон. Закрыв за собой дверь. Поздороваться забыл. Замялся. Казалось, он хочет свернуться, спрятать свое маленькое незрелое тело в невидимую раковину... Хочет, но не может. Его худые смуглые ноги и руки торчали из одежды как спицы из вязанья, посаженная на тонкую шею курчавая голова застенчиво склонялась на плечо, глазные яблоки то и дело закатывались под тяжелые веки с длинными черными ресницами. Изящные пальцы ног подворачивались под узкие ступни, руки сжимались в неправильные, не годные для удара, кулаки...

«Здравствуй, Мамикоша!» – мама подпустила в голос немного змеиной нежности. Она не любила моего дружка, потому что его дед занимал когда-то более высокое положение в советском обществе, чем ее отец.

«Здррасте, Раисса Марковна», – прошептал Мамикон, покраснел и опять попытался заползти в раковину. Мама вытащила его оттуда критическим взглядом, как крючком, осмотрела с головы до ног и деликатно поправила воротничок его неглаженной ковбойки с короткими рукавами. После этого посмотрела на меня. Холодно и устало.

«Полтретьего в столовой, искать тебя больше не пойду... Останешься без обеда. Только здоровее будешь. Одиннадцать лет, а толстый как гиппопотам... Раскормила бабушка внука...»

«Буду, как штык, честное ленинское!»

Для того, чтобы выпроводить Мамикона из комнаты, мне потребовалось взять его за плечи, слегка приподнять и дать ему легкого пинка. Пинок не остался незамеченным мамой, которая послала мне в вдогонку строгий взгляд. Как

снаряд из пращи. Этот взгляд я почувствовал спиной, согнулся, стартовал, надал, пролетел коридор, холл с медными богатырями-чеканками на входе в дом отдыха и всю трехсотметровую аллею, ведущую к парку, как истребитель на бреющем полете. Затормозил только у небольшого клеверного поля.

Вытер пот со лба. Вдохнул полной грудью. Воздух пах сладко и остро – клевером и ромашками. Уши чесались от стрекота насекомых. Парило.

Мамикон появился когда я уже разложил на пеньке принесенные с собой орудия казни. Пустую стеклянную банку с пластиковой крышкой, обломок коричневой пластмассовой расчески и большое увеличительное стекло в черной оправе, с кривой подвижной рукояткой.

Мамикон посмотрел на меня робко, прижал обе руки к впалой груди, и прошептал: «Пойдем ловить?»

«На ромашках и на кашке бомбовозов много! Перед грозой налетели... Сладенького перехватить... Давай!»

Бомбовозами мы называли особенно толстых шмелей, ноги которых были густо покрыты прилипшей к ним пыльцой. Как будто они носили розово-желтые махровые гетры.

«Мне немножко страшно. А если ужалят?»

«Ты, Мамик, как говорил Миклухо-Маклай, пока его аборигены не съели, – не бзди по пустякам! Если ужалят, жало вытащим пинцетом. Яд высосем. Самцы вообще без жала. А самки злые. Нажрутса нектара и кусаются как собаки».

Мамик боялся шмелей и ос. Боялся собак и других детей. Боялся своей царственно красивой матери-армянки, Галатеи Арушановны. Даже дышал на людях осторожно, тихо, чтобы не обращать на себя внимание... Однажды чуть не умер из-за того, что постеснялся высморкаться. За обедом в столовой дома отдыха. Ерзал, ерзал на стуле. Кривил нос и губы. Ничего не помогало.

Покраснел, прослезился, закашлялся беззвучно, попытался проглотить ушедшие в дыхательное горло сопли, но не смог, задержался, перестал дышать, выпучил глаза и начал синеть... Галатея Арушановна достала носовой платок, приложила к губам сына и легонько ударила его по загривку. Мамик харкнул, сморкнул громко и истошно. Но задышал. Мать вытерла ему платком лицо и сказала спокойно: «Пойди умойся и вычисти нос!» Мамикон ушел. В столовой в тот

день он больше не появился, потому что боялся насмешливых взглядов свидетелей своего позора.

«Давай, Мамик, бери банку, бомбовозы заждались, слышишь как жужжат – в баночку просятся, понюхать табачку...»

Мамикон взял банку. Попытался преодолеть страх, сжал челюсти. Лицо его от волнения как-то не по-детски потемнело, кожа стала почти фиолетовой.

Восточные глаза сияли как янтари на солнце – его, как и меня, влекла сладость убийства.

Убийства, задуманного и организованного нами, великанами, состоящими из кожи, мяса и костей. Мы белые. Толстые. Мясные. У нас чувствительная тонкая кожа. По нашим жилам течет красная кровь. У нас влажные живые беззащитные глаза. А наши жертвы, шмели – страшные летающие роботы из легкого черного металла. В их гадких телах противная бесцветная жидкость, похожая на помойную воду в ведре нянечки. Они неприятно жужжат. Смотрят на нас своими темными лакированными фасетными глазами, собирают нектар для прокорма своих отвратительных личинок, жалят нас длинными гладкими как кинжалы жалами...

Ловить шмелей легко. В правой руке у ловца стеклянная банка, в левой – пластиковая крышечка. Сидит шмелюга на цветочке, нектар собирает, хлопочет, все обхаживает, все ощупывает... И ты его справа и слева аккуратненько, баночкой и крышечкой – хлоп, и вот он уже внутри банки, жужжит, жужжит, а выхода-то нету.

Ловить и закабалить другие существа – первая и главная потребность человека. А вторая потребность – мучить и убивать. Тут проявляется, как сказал бы знаток этих дел Достоевский, сладострастие чистое, убойное, бесконечное... Голливуд! Одного бомбовоза мало, надо десяток поймать, да пожирнее, помохнатее. И еще пару бабочек, несколько ос и пчел. Тогда банка, как Ноев ковчег, жужжит, скрежещет, движется в руках... Это также приятно ловцу, как беременной женщине приятно чувствовать внутри себя толкающегося ребенка.

Потом можно, не торопясь, достать увеличительное стекло и начать прямо через банку жечь насекомых. Прижигать. Дырявить. Убивать.

Сфокусируешь лучи на черной металлической, опушенной темным мехом,

шмелиной плешке. Шмель попытается уползти от жгучего солнышка по стенке банки или улететь, ему больно, а ты его догонишь и печешь, печешь ему шкуру. А от нее дымки в разные стороны прыщут... Слышно легкий хруст. Сладко! Только воняет все это противно. Палеными ногтями.

«Давай, давай, Мамик, смотри, вон там бомбовоз полетел, сейчас сядет и начнет жрать... Лови, лови его, гада членистоногого!»

Мамик дернулся и побежал. К цветку подкрался мягко, как кошка и тут же захлопнул шмеля-бомбовоза в банке вместе с цветком.

«С цветком нечестно! Кашку выброси вон, но так, чтобы бомбовоз не удрал».

«Неее могу, боюсь вылетит, и семь раз больнее обычного ужалит. Он же разозлился! Как бы крышку не прокусил!»

Мамикон протянул мне банку и посмотрел на меня жалобно, как испуганная собачка. Про себя я так и звал его – собачка Мамик. В то лето он ходил за мной, как на поводке. Прилип. Отвязаться от него было трудно. Грубость он прощал. Побои тоже. Покровительства и защиты не требовал. Мамик был меня на два года моложе, поэтому его преданность не льстила мне, как это было бы со сверстником, а злила.

В перерывах между шмелиной охотой мы боролись. Вначале стоя, а потом и на земле. Густая трава клеверного поля служила нам ковром. Я сжимал руками его тощее слабое тело, Мамик не только позволял мне жать себя, но и сам прижимался ко мне низом живота. Терся и ласкался, как щенок, скорее всего, не понимая, что это против каких-то правил... Против его и моей природы.

Боролись мы долго. В борьбе возбуждались. И начинали друг друга кусать. Это было еще приятнее, чем тереться и жать. Почувствовать между зубами живую плоть. И кусать, пьянея от безнаказанности и взаимности. Страдать и мстить за страдание. Кусать руки, бедра, живот, потеряв всякий стыд, забыв о заповедях приличия, о настырном мире взрослых, кусать до кровавой пены во рту...

Я взял банку из рук Мамика, открыл ее, вынул двумя пальцами цветок, выкинул его и в броске поймал вылетевшего из нее бомбовоза. В благодарность получил от Мамика томный влюбленный взгляд. Кинулся в погоню за другим шмелем, выследил его и поймал. Потом поймал двенадцать его сестер. Затем – коричневую бархатную бабочку с глазками на крыльях, две пчелы, летучего

жука с длинными ногами и огромного красноватого кузнечика... Передал банку Мамику. Он долго бегал за маленькой желтобрюхой осой, которая не собирала нектар, а, тонко звеня, замирала в одной точке над цветком. Как спутник на стационарной орбите. Наконец, поймал ее и отдал банку мне. Я заметил, что у него дрожат руки, неестественно часто моргают глаза. На его темносиних шортах вырос маленький холмик.

Я спросил: «Кого будем учить? Длинноусых прямокрылых или перепончатокрылого бомбовоза?».

«Давай кузнечика отпустим, он не злой, у него жала нету... И жука...»

«Сможешь сам?»

«Нет, боюсь шмели вылетят и ужалят».

Вынуть из банки, полной злобных шмелей, ошалелого кузнечика было труднее, чем выкинуть ромашку. Но я смело взялся за дело – слабость моего друга придала мне куража. Перевернул банку крышкой вниз и осторожно, прямо у земли, открыл ее. Летящие насекомые оказались наверху, а кузнечик и жук упали на землю. Умный жук сразу уполз в щель. А глупый кузнец скакнул неловко, ударился о верхний край банки, упал, закопался... Одно ловкое движение – и он тоже был свободен. Кузнечик тут же прыгнул прямо на своего спасителя. Сел Мамику на рубашку, а потом еще раз скакнул, расправил в прыжке крылья и полетел.

«Саранча!» – закричал Мамик и сжался.

Мы сели, достали лупу.

«Ну что, Мамик, поучим черных роботов? Пусть узнают, что нельзя людей жалить!»

«Пусть узнают!»

«Пусть познакомятся с солнечным светом!»

«Пусть...»

«Перед тем как попасть в страну Жужжалию!»

«Жужжалию и Ужалию!»

«Околендию и Подыхандию!»

«Окочурию и Протухандию...»

Я дирижерским жестом прекратил каденцию и перешел к делу. Попытался

сконцентрировать солнечные лучи на ползавшей по внутренней поверхности банки желтобрюхой осе. Оса уползала от луча, но я настойчиво преследовал ее. Нагнал и ужалил ее лучом в голову. Она упала, сложила крылья и скрючила лапки. Умерла. Потом я отдал лупу Мамику. Он попытался обжечь лучом пчелу, но это ему не удалось, он прожог дырку на ее крыле и передал орудие пытки мне. Передавая, чуть не выронил лупу и не разбил, так сильно дрожали у него руки.

Через полчаса почти все бомбовозы были измучены и убиты. Мой друг не отрывал все это время глаз от банки. Сопел. Забыв о стыде, жадно тер упругий холмик на штанах... Я решил закончить экзекуцию, направил лучик на маленький обломок расчески, все это время ждущий своей очереди в банке. Надо было постараться не зажечь его, а только сильно нагреть. Тогда пластмасса пускала ядовитый дым. Не удалось. Обломок вспыхнул и загорелся, а вслед за ним вспыхнули и оставшиеся в банке насекомые. Особенно ярко светила горящая бабочка. Она трепетала крылышками, пыталась спастись... Через несколько секунд все погасло, в банке кончился кислород. Расческа перестала гореть и задымила, банка заполнилась молочно-серым туманом. Несгоревшие насекомые умерли. Я вытряхнул их на землю. Мамик взял в руки толстого обожженного шмеля. Рассмотрел его в лупу. Потом брезгливо бросил на землю. Тут где-то рядом ударила молния. Истерический треск грома, распоровшего пространство как сухую ткань, казалось, порвал ушные перепонки. Мы побежали домой. За нами бежал дождь...

В следующий раз я увидел Мамикона лет через тридцать после того подмосковного лета. Встретились мы случайно на Октябрьской у «Шоколадницы». Мамик превратился в представительного мужчину, даже начал благородно сесть. Я не сразу его узнал.

«Простите, вас не Мамикон зовут? Угадал? Привет, Мамик... Как ты поживаешь, друг...»

Мне показалось, что он дернулся, но быстро овладел собой. Узнал меня сразу, крепко пожал руку.

«Женился, защитился, собираюсь в Женеву, пригласили... Профессорствовать...»

«Умница!»

«А как ты? Достиг просветления?» (Я в студенческие годы увлекался буддизмом.)

«Еще нет, все еще ищу свое дерево Бодхи... В Битцевском лесопарке...»

В конце разговора, я очень осторожно напомнил ему про шмелиную охоту.

Мамик наморщил высокий ученый лоб, попытался вспомнить, но не вспомнил...

Спросил, как поживает Раиса Марковна. Я ответил – на пенсии, болеет, но, ничего, еще держится...

«А как Галатя Арушановна?»

«Умерла два года назад. Забыла выключить газ под кастрюлей. Ушла спать. И отравилась во сне».